УДК 811.163.1 + 27-36

Е. И. Дергачева-Скоп

СОВРЕМЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА И ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ

Рец. на кн.: *Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. — 442 с.

В рецензии на монографию Ольги Дмитриевны Журавель «Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика» отмечается ее новаторский характер, актуальность и современность; анализируется источниковая база, методы исследования, подчеркивается ценность выводов для развития истории русской литературы.

Ключевые слова: старообрядческая литература; братья Денисовы; поморская школа; старообрядческая риторика; агиография.

Монография О. Д. Журавель посвящена изучению литературной культуры старообрядцев. Характер этой локальной, а потому достаточно замкнутой литературной традиции, ее теоретические искания, «смена писательского типа» на рубеже XVII–XVIII вв., оформление «художественного самосознания» в ее литературной практике, сохранение канонических архетипов в жанровой системе и законы их модификаций в творчестве старообрядческих писателей представляют несомненный интерес как для истории русской литературы, так и для типологической исторической поэтики. Проблема старообрядческого литературного наследия в таком аспекте и на таком серьезном временном пространстве (XVIII–XX вв.) обсуждается впервые. В литературном творчестве старообрядцев этого гигантского периода О. Д. Журавель находит объединяющую их каноническую константу и описывает пути ее динамизации, те новации, которые, входя в литературную культуру старообрядческого сообщества, обеспечивают ее связи с основными тенденциями развития русского литературного процесса.

Староверы «в слове» всегда живут в дониконовском историческом времени, уходя подчас в начало Руси и в первые века христианства, но одновременно всегда удивительно современны. Прот. Г. Флоровский, опираясь на замечание Н. И. Костомарова: «Раскол гонялся за стариною, старался как бы точнее держаться старины <...> но раскол был явление новой, а не древней жизни», — отметил важность этой мысли для понимания старообрядчества как особой проблемы русской культуры [Флоровский, 67]. Согласно его мнению, старообрядцы не просто воспроизводили традиции русского православия в дониконовской интерпретации, они были явлением Новой истории. «А. А. Карташев, давший лучшую и наиболее глубоко охватывающую характеристику раскола, замечает, что в старообрядчестве, — пишет в своей “Истории русской философии” В. Зеньковский, — разрядилось то напряжение русского духа, которое сделалось осью его самосознания и сводилось к идее третьего Рима, т. е. к мировой миссии охранения чистоты истины Православия...» Для старообрядчества решался не местный, не провинциальный вопрос, а вопрос

© Дергачева-Скоп Е. И., 2014

всей мировой истории... Старообрядчество по своим устремлениям было историософично, боялось неправедного обмирщения Церкви... Его положительный пафос, конечно, не в ритуализме, не в простом сохранении старины, а в блюдении чистоты Церкви» [Зеньковский, с. 52–53]. Именно потому старообрядцы, с одной стороны, скрупулезно воспроизводили прошлое, а с другой — постоянно приращивая традицию, создавали в каноне новые аспекты. Как нам представляется, эти положения имеют принципиальное значение при интерпретации явлений старообрядческой литературной культуры, воплощенных в «средневековые» формы, ибо мы имеем здесь дело «с перевоплощением старых символов»[1].

В монографии О. Д. Журавель предлагает и реализует новые подходы к исследованию старообрядческой культуры как единой динамической системы: 1) описывает специфику формирования новой концепции писательства, связанной с влиянием на литературное творчество старообрядцев общерусской (возникшей под влиянием европейской) барочной риторической культуры; 2) выявляет «особенности рецепции риторических учений», оформившихся в литературной культуре второго поколения старообрядческих писателей (русское люллианство на Выгу); 3) фиксирует форматы риторических сборников и топику старообрядческой проповеди. В связи с этим в работе О. Д. Журавель освещается не только литературная культура Выга, но и поздняя старообрядческая литература XX в. Фиксируя факт изменения «принципов творчества», автор утверждает, что происходит своеобразный возврат к древнерусской традиции воспроизведения жанровых образцов. В системе таких образцов в позднее время уже фигурирует и литературное творчество писателей Выга.

Из накопленных наукой к данному моменту материалов, относящихся к старообрядческой литературе и письменности, О. Д. Журавель выбран репрезентативный цикл сочинений, обеспечивающих ее исследованию должный уровень. Автором аналитически описаны разработки старообрядцев в области риторики, рассмотрены особенности такого важного источника как старообрядческие риторические сборники барочного типа (около 40 списков) и связанные с ними списки Антологии сочинений Выговского киновиарха Андрея Денисова (7 списков, 5 из которых введены в научный оборот впервые). К исследованию привлечен также ряд сборников пестрого состава, в которых учтены авторитетные в старообрядческой традиции литературные жанры. Впервые введены в науку и опубликованы новые рукописные материалы, описанные ею как «литературные факты».

Избранные методологические форматы, примененные к анализу литературной культуры старообрядцев, сочетают такие необходимые для подобного масштабного исследования методы, как историко-литературный, сравнительно-типологический, культурно-исторический, а также ряд частных методик, связанных с текстологическим методом и герменевтикой, источниковедением литературы, позволяющих осмыслить характер динамики явлений литературной традиции в исторически обоснованных вариациях. Автор использует

[1] «Традиция, прирастая, сама себя корригирует, и этот прирост как таковой образует теологическую диалектику», — пишет П. Рикёр по поводу книги Жерара фон Рада «Теология Ветхого Завета» [см.: Рикер, с. 67–69].

также историко-функциональный подход для описания литературных и внелитературных «текстов» как динамически и взаимно развивающихся систем. Многозначность характера методологических построений обусловлена не только поставленной теоретической задачей, но также объемом и сложным составом самих источников, требующих разнообразных методик исследования.

В первой главе «Литературная культура старообрядцев: риторика как метод» О. Д. Журавель обсуждает проблему риторики и возникновения у старообрядцев культуры поучения, утверждает появление в сфере литературных штудий старообрядцев первых десятилетий XVIII в. «нового типа творчества», связывая его с Выгом — центром старообрядцев поморского согласия. Автор, как мне представляется, стремится показать принципиальную важность появления старообрядческих писателей второго поколения как ученых. Андрей и Семен Денисовы и другие «выгорецкие большаки» включают в сферу своих литературных интересов риторику, философию (прежде всего как «любомудрие») и христианскую этику («ифику»), диалектику.

О. Д. Журавель вполне обоснованно связывает активную перестройку в системе литературной культуры старообрядцев второго поколения с общими процессами перестройки «филологической культуры» в России рубежа XVII–XVIII вв., отмечает ломку жанровой системы, в поле которой попадает проповедь в разных ее ипостасях (Слова, Поучения, Беседы, Плачи и пр.). Главной возможностью осуществить такую перестройку стало усвоение русской литературной культурой барочной эстетики. Считая, что «новое, барочное в своей основе представление об учености напрямую связывалось с филологической образованностью, с овладением риторическим искусством», являвшимся «главным условием литературного мастерства», автор подробно исследует именно с этой позиции характер творчества Андрея Денисова (в том числе и его теоретические построения), последовательно превращая каждое сочинение киновиарха в «литературный факт». Анализ сочинений А. Денисова «Сотове медови», «О любомудрии», «О девстве» и др. свидетельствуют о ярком литературном таланте киновиарха и об основательном знакомстве с современными ему теориями текста.

Особое место в главе занимают материалы, связанные с рецепцией старообрядцами Выга «люлианских идей» А. Белобоцкого. Анализ рукописной традиции «Великой науки» Белобоцкого в редакции Андрея Денисова ведется с учетом всех известных к настоящему времени списков, в том числе и черновиков.

Важным представляется исследование риторических сборников как четьих книг. Использование такого сборника, обеспечивая воспроизводство локусной литературной культуры (которую заложили на Выгу ее основатели), выполняя функции собраний полемических материалов, являясь своеобразной хрестоматией авторитетных литературных образцов, служило доказательством принципов бережного отношения к традиции творчества и учительства. Могу добавить, что отдельные сочинения из сборника продолжали жить в книжных традициях поморских старообрядческих центров более позднего времени (XVIII — середины XX в., например, на Урале и в Сибири: Таватуй, Тюмень, Васюганье и пр.).

В исследовании, как мне представляется, недостаточно четко очерчена система риторических взглядов, представленная тремя поколениями Выговских

киновиархов. Могу согласиться, что Андрей и Семен Денисовы — это трансляторы барочной культуры и, соответственно, риторических традиций барокко, но Андрей Борисов, на мой взгляд, реализовал преимущества уже риторики классицизма. Более точный, дифференцированный характер различий разных поколений выговской риторической школы мог бы дать дополнительный материал для описания динамических процессов в старообрядческой литературной культуре XVIII в.

Во второй главе «Проповедь старообрядцев: вопросы поэтики» рассматривается жанровая структура проповеди, являющейся одним из реальных литературных жанров старообрядческой культуры. Оценивая риторику как поэтику проповеди, О. Д. Журавель связывает специфические приметы этого синкретического по своей природе жанра со сменой тех эстетических установок, о которых говорилось в предыдущей главе. Описывая старообрядческую Риторику-свод в двух ее ипостасях, включая в сферу теоретических разработок старообрядцев нового поколения Поморскую риторику, Антологию А. Денисова, показывая те динамические изменения, которые характеризовали эти сочинения Выговской литературной культуры старообрядцами разных поколений, О. Д. Журавель приходит к важному выводу: Риторика-свод связана «сложными парадигматическими связями с риторическими и проповедническими сочинениями как заимствованными, так и оригинальными». Выговские риторики обеспечивали формирование стилистики и семантики проповеди, делая ее для своего времени серьезным жанровым образованием.

Приемы барочной проповеди Андрея Денисова, реализующие ее смысловую двуплановость («сенс аллегорический»), риторическую изысканность и декоративность, подтверждены анализом одного из произведений Андрея Денисова о встрече в Москве персидского слона. Автор монографии заставляет увидеть в повествовании «сложную герменевтическую процедуру», в результате которой произведение прочитывается как аллегорическое.

Анализ стилистики и семантического поля барочных проповедей на примере сочинений, посвященных концепции человека как «бытия, обладающего свободой и волей» (Андрей и Семен Денисовы), доказывает, что у этих писателей XVIII в. образ человека связан с концепцией его в патристике. Сочинения более позднего времени с той же тематикой и написанные в другом литературном ключе (например: «Что есть человек и какое он получил от Бога благородие», А. М. Запьянцев, 1909 г.) «в эпоху русского духовного ренессанса», «исканий вечности и смысла», в эпоху «разрыва с русским просветительством и позитивизмом» (формулировка Н. Бердяева) также сохраняют у писателя-старообрядца истоковые связи с общехристианской идеей человека-бытия, «мира в малом».

На сочинениях писателя XX в. Афанасия Мурачева, в народно-христианском духе разрабатывавшего евангельские сюжеты, показан еще один тип «проповеди», предназначенной только для чтения, не имевший четкого «риторского» структурирования, но характеризующийся «смысловой двуплановостью», которая и обеспечивает, как считает О. Д. Журавель, жанровую идентичность этой современной модификации проповеди.

Третья глава посвящена старообрядческой утопии, которая предстает как наджанровое образование в целой группе текстов разных жанров, обслуживающих

старообрядческую литературную культуру на протяжении веков. На фоне анализа утопической практики Выга с точки зрения эсхатологической теории, выполненной историками в основном на исторических и автобиографических памятниках (уместно вспомнить таких исследователей, как Роберт Крамми и Наталья Гурьянова), берется вся палитра сочинений, отражающих утопическое сознание старообрядцев. Утопические идеалы, реализующиеся в сочинениях старообрядцев, содержащих разнообразные знаковые элементы, обеспеченные определенным комплексом мотивов, складываются в некий метажанр. Общая концептуальная составляющая придает им динамическое единство и способность к существованию в локальной старообрядческой культуре на протяжении длительного исторического периода.

Весь материал главы свидетельствует о том, что составляющие старообрядческой утопии основаны «на актуализации» эсхатологической символики, «аллегорический сенс» которой составляют мифологемы Церкви, освещенные образом «старообрядческой пустыни», а также основанные на системе ключевых мотивов, обеспечивающих основу утопического текста. Выговские киновиархи связывали образ «старообрядческой пустыни» с цитаделью в мире духовного антихриста. О. Д. Журавель у истоков концепции старообрядческой утопии размещает сочинения А. Денисова: «Об антихристе»; «На книжицу Стефана митрополита рязанского об Антихристе» и др. — и убедительно подтверждает эсхатологический характер теоретических и литературных построений Денисова. Концепция «конца времени» требовала от старообрядцев историософического объяснения, иначе они оставались вне истории. А. Денисов выстроил концепцию «золотого века» (идеальное прошлое Руси, III Рим), обозначил место и время разрыва с историей (Россия в 1666 г.) и пути к спасению (граждане Нового Иерусалима, пустынножители). Эта концепция поддерживается старообрядцами-поморцами до настоящего времени.

Вряд ли стоит делать столь решительные выводы о процессе разрушения агиографического жанра в XVII в. Действительно, мы замечаем усиление личностного начала, авторский голос в литературных сочинениях, появление автобиографии, жизнеописаний «обычных людей», но не говорит ли это скорее о появлении иных жанров, еще малознакомых русской литературе и использующих приемы агиографической прозы в своем стилистическом поле, о жанровой дифференциации описаний «бытия» и «святости». Добавлю, что Азбуковники рубежа XVII в. в словарной статье понятие «житие» толкуют как «бытие», а «жизнь» связывают с агиографическим каноном. Ср. с жизнеописаниями выговских «граждан Небесного Иерусалима», живущих «жизнью вечной».

Достоинством работы О. Д. Журавель является (не только в рассматриваемой, но и в других главах) литературоведческий подход к сочинениям старообрядцев, которые с таких позиций исследователями практически не изучались. Она фиксирует, например, аллегорию Церкви-Матери как относящуюся к топике старообрядческой прозы вообще, описывает топику старообрядческого литературного образа «райского сада» с его мотивами света, сияния, блеска, красоты, сладости; мотивную структуру утопических сюжетов разных старообрядческих сочинений с их концептами — «век», «непрестанный путь», «связь живых

и мертвых». В главе рассмотрены также поздние старообрядческие сочинения и духовные стихи, сохраняющие практически все элементы ранней выговской утопии в старообрядческой литературной культуре.

В следующей, четвертой главе «Старообрядческие книжные плачи» предлагается их анализ как одного из жанров «проповеднического дискурса», поднимаются вопросы жанровой типологии плачей, обсуждается их место в литературной культуре старообрядцев разного времени. На Выгу формируется своеобразный культ надгробных слов, в структуре своей близких «самоопределившимся похвальным словам» киевской академической школы рубежа XVII–XVIII вв., культивируемым в русской проповеднической практике начала XVIII в., однако испытавшим сильное влияние народной причети. Автор отмечает разножанровую основу выголексинских надгробных слов, созданных «на пересечении книжной и фольклорной традиций», их умение соединять разные стилистические пласты (библейскую и церковно-обрядовую образность, топику народной причети, барочный ригоризм). Характер синкретизма книжных плачей выголексинской школы О. Д. Журавель описывает на одном из «беседословных» полемических старообрядческих текстов: «Чесо ради ныне мнози нарицают время, достойное плача...». При этом убедительно показывается, что публицистическая проповедь (беседа в форме ответа на вопрос) осложнена образной и ритмической основой, близкой к плачам и духовным стихам, имеет глубокую связь с идеологическими проблемами в старообрядческом сообществе указанного времени. Из поздней традиции присутствует «Плач Богородицы» А. Мурачева и плачи по пустыни матушки Елены, которые свидетельствуют о воспроизводстве в современной старообрядческой литературной культуре моделей плачевой структуры, обнаруживающей свой «креативный потенциал».

В пятой главе О. Д. Журавель обращается к рецепции жанра жития в позднейшей старообрядческой литературной культуре, представляя его через «обширное историко-агиографическое сочинение, созданное в 40-х–90-х гг. прошлого века — Урало-Сибирский патерик». Определив характерные особенности ранней старообрядческой агиографии в системе динамических изменений в этой обширнейшей по жанровым воплощениям древнерусской традиции, она связывает их, во-первых, с особым характером изменений агиографического канона вообще в период перехода от Средневековья к Новому времени; во-вторых, с «осознанием старообрядцами своей особой религиозной миссии» (через осознание места человека в мире, эсхатологические идеи и историософические идеалы). Построение концепции монастыря как сакрального пространства, формирование «круга истинноверующих» послужили основой создания поморскими старообрядцами второго и следующих за ними поколений литературы патерикового типа, агиобиографий («историческое повествование с агиографическим нарративом»). Эти же позиции выговских старообрядцев позволили им теоретически обосновать и закрепить в литературе права старообрядческой литературной культуры на агиографию, которые и оказались воспринятыми в старообрядческой литературе новейшего времени. Урало-Сибирский патерик, о котором идет речь в главе, сформирован на основе жанра «Родословий», важного для передачи преемственности «сакрального» в членах общины пустынножителей, о которых

идет речь в Патерике, агиографической традиции (общерусской и старообрядческой), фольклора[2]. Интерес представляют, на мой взгляд, приемы «адаптации» сочинений «внешних авторов» при компилировании источников, система введения цитат, описание синкретического характера стилевых пластов, устно-поэтическая языковая стихия, формирующие специфический художественный облик Патерика. Жизнеспособность литературной традиции и способность ее сохранять литературный канон столь длительное время справедливо объясняются О. Д. Журавель «актуальностью представлений о святости, свойственных народной культуре и получивших своеобразное преломление в культуре старообрядчества». Подчеркнем также, что рецепция Выговской агиографической традиции в сочинении новейшего времени — еще одно свидетельство модификации принципов творчества писателями-старообрядцами XX в.

Главный важный вывод монографии заключается в доказательстве, что старообрядческая литературная культура соответствует всем характеристикам традиционной литературной культуры и может быть описана как неотъемлемая часть русского литературного процесса, но имеет свои внутренние законы исторического существования.

Гурьянова Н. С., Крамми Р. Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.) : сб. науч. тр. / под ред. Е. М. Юхименко. М., 1994. С. 120–138. [Gur'janova N. S., Krammi R. Istoricheskaja shema v sochinenijah pisatelej vygovskoj literaturnoj shkoly // Staroobrjadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.) : sb. nauch. tr. / pod red. E. M. Juhimenko. M., 1994. S. 120–138.]

Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII– начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. 442 с. [Zhuravel' O. D. Literaturnoe tvorchestvo staroobrjadcev XVIII– nachala XXI v.: temy, problemy, pojetika. Novosibirsk, 2012. 442 s.]

Зеньковский В. В., прот. История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. [Zen'kovskij V. V., prot. Istorija russkoj filosofii. Parizh, 1948. T. 1.]

Крамми Р. Историческая схема выгорецких большаков // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 90–96. [Krammi R. Istoricheskaja shema vygoreckih bol'shakov // Tradicionnaja duhovnaja i material'naja kul'tura russkih staroobrjadcheskih poselenij v stranah Evropy, Azii i Ameriki. Novosibirsk, 1992. S. 90–96.]

Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 466 с. [Pokrovskij N. N., Zol'nikova N. D. Starovery-chasovennye na vostoke Rossii v XVII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshhestvennogo soznanija. M., 2002. 466 s.]

Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. 415 с. [Riker P. Konflikt interpretacij. M., 1995. 415 s.]

Соболева Л. С. Исторические сочинения старообрядцев Урала // История литературы Урала. Конец XIV — XVIII в. М., 2012. С. 263–288. [Soboleva L. S. Istoricheskie sochinenija staroobrjadcev Urala // Istorija literatury Urala. Konec XIV – XVIII v. M., 2012. S. 263–288.]

Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. (Фототип. изд. Париж, 1937). 600 с. [Florovskij G. Puti russkogo bogoslovija. Vil'njus, 1991. (Fototip. izd. Parizh, 1937). 600 s.]

Рецензия поступила в редакцию 30.06.2014 г.

---

[2] Для жанра «Родословий эта особенность поэтики выявлена в работах: [Покровский, Зольникова; Соболева].